

Будучи летописцем Королевства в Годы смуты, писано в приорате Грейфрайерс в неделю по Семидесятнице, в лето Господа Нашего одна тысяча триста двадцать девятое, на 23-м году правления короля Роберта I, спаси и сохрани его Бог.

В лето Господа Нашего одна тысяча двести девяносто шестое скотты порешили, что довольно с них господства короля Эдуарда над ними чрез назначенного оным короля Баллиола, и о том возгласили. Англичане явились на север в Берик с огнем и мечом, а равно и Законом Дейтерономии, сиречь Второзакония, и вослед за резней с той поры название сего града стало девизом и боевым кличем во веки веков.

Разгромленного короля Иоанна Баллиола повергли к стопам Эдуардовым, дабы лишить онога венца и регалий, гордые знаки ранга сорвали с его мантии, и посему сказанного с тех пор и впредь прозывают Тум Табард — Пустой Камзол. Коронационные регалии Шотландии — Крест Господень и Скунский Камень — были захвачены, а Большая Печать церемониально преломлена надвое.

Посему король Эдуард поехал на юг, передав правление землями, кои считал ныне своими, наместнику, дабы держать скоттов под своим ярмом.

«Сие есть доброе дело, — провозгласил он, отрясая с ног прах того места, — избавление от подобного дерьма».

Но скотты не преклонили колен... воспоследовала крамола на севере под началом Мори, на востоке под началом Фрейзера, на западе под началом разбойника по имени Уоллес. Шотландские епископы остались непокорны. Сэр Уильям Дуглас, за отвагу прозванный Смелым, оборонявший Берик против короля Эдуарда, был пленен, а после прощен милостью короля под обещание служить в английской армии во Франции. Немного времени спустя оный расторг узы своей клятвы и примкнул к смутьянам.

Король же Эдуард, до живого уязвленный действиями сего сказанного, повелел своим верноподданным в Шотландии противостоят оным смутьянам, и Роберт Брюс Младший, граф Каррикский, был отряжен в замок Дуглас, дабы попать твердыню и захватить жену со чады сэра Уильяма в заложники.

Но коли лев пробуждается, всякому надлежит стечься его клыков...

ПРОЛОГ

*Дуглас, Ланарк
Праздник Святого Дростана Скитника,
11 июля 1296 года*

Хуже всего была темнота. Ни луны, ни звезд, лишь шепот потерянных душ, ищущих либо попутного ветра к дому, либо тела, дабы проскользнуть в него ради воспоминаний о теплой крови и жизни. Да еще совы — а сов он ненавидел за вопли, подобные крику Сихайрет, богини лесных ручьев, извивающейся во тьме и кричащей на тех, кого поджидает скорая смерть.

Гозело знал, что не должен позволять себе верить в подобное, будучи добрым христианином, но его бабка — старая фризка — забила ему голову подобными рассказами, когда он еще был малым дитятей. Это всплывало, лишь когда ему было боязно и жутко, и даже Бог должен признать, что сей покинутый им край навевает страх и ужас.

И не столько сам край, сколько Плащеносец. Охваченный дрожью Гозело запахнул собственный плащ поплотнее, держа путь к забрезжившей деннице и радуясь, что видит свет. Он направлялся в Карнуэт, на-

ходящийся во владении государя¹ Сомервилла — англичанин ли он, нет ли, но там хотя бы светло, тепло и, превыше всего, безопасно, — но темень поставила на этом крест, и теперь Гозело не сомневался, что прозевал это место и направляется в Дуглас.

Он тревожился, что человека, хромящего пешком, прогонят прочь с бранью, да еще и пригрозят копьём. Всадник обладает положением, а путник, влачащийся мокрым летом по грязи в драных башмаках, в плаще и кафтане, замызганных в трудном пути, — полнейшее ничтожество, даже если он фламандский мастер-каменщик из Скуна. Кабы только это... Гозело знал, что Дуглас — гнездо бывших бунтовщиков и там вряд ли его оградят от тех, кто сейчас за ним наверняка охотится.

Что-то застрекотало, и Гозело, вздрогнув, завершенно огляделся и прибавил шагу. Ему бы ни в коем случае не братья за это дело, но старый брылястый, как мастиф, епископ Уишарт обморочил его лестью и посулами толстой мошны. Не то чтобы сработать эту штуковину было трудно, а резьбой занимался Манон; теперь Гозело не сомневался, что бедолага камнетес — покойник.

Потом явился Плащеносец с повозкой и потрепанной лошаденкой при ней, и фламандец понял, что они забирают оригинал, оставляя вместо него «липу». Манон, поведали ему, уже получил плату и удалился;

¹ Обычно титул «лорд» остается без перевода, но здесь речь идет о временах, когда он еще не утратил свой исконный смысл — «всевластный владыка», так что просим не сетовать на вольность переводчика, постаравшегося и здесь, и далее отойти от ряда традиций перевода, чтобы донести до русского читателя нюансы, представляющиеся потребителю оригинального текста вполне естественными, и позволить ощутить дыхание того времени — как хотелось бы автору, старательно воссоздавшему тогдашнюю атмосферу.

вот тут-то мороз холоднее алтарного камня и проник в самую его душу.

«Мы берем его в Рослин, — сказал Плащеносец по-французски. — Там тебе будет уплачено и за твоё ремесло, и за умение держать рот на замке об этом деле».

Замышляй это один лишь Плащеносец, Гозело вообще ни за что не пошел бы на это, но тему поднял сам епископ, не кто иной. Тогда Гозело считал епископа Уишарта выдающимся клириком, нежась в ласковой лести и посулах богатства, пока терзания с повозкой, неотступная волглость — Христе Небесный, да неужто иной погоды в этой Шотландии не бывает? — и лепет собственных страхов не растопили его решимость, как золото в тигле. Плащеносец, угрюмый, как мокрый утес, с каждой милей становился все грознее и грознее, пока не далее доброго пешего перехода от Рослина остатки отваги Гозело не развеялись как дым, и он удрал.

* * *

Плащеносец крепко над этим призадумался. Скрылся без толстой мошны, в панике, страшась за собственную жизнь, наконец-то сопоставив все возможности. Ах, что ж, будучи смышленным человекишкой, он домыслит остальное, когда даст роздых ногам достаточно долго, чтобы его рассудок пустился вскачь. Например, как восполнить утрату толстой мошны. Он направится в Ланарк, к английскому шерифу Гезльригу, где и выложит все, что ведаёт.

Все в точности так, отметил про себя Плащеносец, как и сказывал Уишарт, отозвавши его в сторонку и проговорив: «Коли поверишь *os vulvae*¹, то ты дурень. Ступай с Богом, сын мой».

¹ Здесь и далее: перевод приводится лишь в том случае, если он не обыгрывается в самом тексте.

Плащеносец не мог не признать, что епископ был прав — и на предмет характера фламандца, и на предмет того, что его рот с мокрыми губенками и дурацкой бахромой бородки и усов напоминают женскую часть тела, коли поглядеть, склонив голову к плечу. На латыни это — *os vulvae* — звучит лучше, чем по-английски: вагинолицый, заключил Плащеносец.

Разумеется, рассуждал Плащеносец, понукая изнеможенного пони к Рослинскому замку, сей фламандец может попросту направиться к Дамфрису и английской границе. Как-никак он мастер-каменщик и долго без работы не просидит.

Сэр Уильям Сьентклер, Древлий Храмовник Рослинский, дал ему доброго, быстрого скакового конька и одарил пристальным, многозначительным взглядом, когда услышал обо всем.

— Порадей, абы твердо, — изрек он, и Плащеносец кивнул. Он уж непременно обеспечит твердое ручательство.

* * *

Узрев блеклые огоньки во мраке, Гозело чуть не разрыдался от облегчения, что Дуглас уже недалече и там можно найти убежище, прежде чем выступать в Ланарк. Он выложит все, что ведает, ожесточенно размышлял фламандец, за все, на что обрек его Плащеносец. Он убедил себя, что был прав, удрав, пока его не порешили под сенью тьмы. Он больше никогда не вернется в этот край и поведаст англичанам все-все, даже после того, что они содеяли фламандцам — и его родне среди прочих — в Берике. Они ведь еще и заплатят, возместив утрату обещанной мошны. Да и что ему какой-то дурацкий камень, в конце-то концов?

Из-за последней рожицы, ведущей к заливному лугу, протянувшемуся до окутанной тенью громады крепости, появилась фигура. Гозело заверещал — тонко, как сова, но слишком поздно.

— Ты удалился, не получив должного, — вкрадчиво произнес Плащеносец, и Гозело отпрянул, бессвязно лепеча по-французски, по-английски — на всех подворачивавшихся языках. Он лишь смутно сознавал, что содержимое его недр стекает по ногам; в голове бешеной круговертью проносились мольбы, выговорить которые его язык попросту не поспевал.

— Ничего не скажешь? — повторил Плащеносец, ухватив одну из них, и фламандец закивал головой столь истово, что того и гляди оторвется.

Плащеносец одобрительно кивнул, а потом поднял обе руки, чтобы откинуть капюшон и открыть лицо свету луны. В бледном зареве черты его остались незримы, но блеснул четырехгранный стальной клинок; Гозело заверещал так тоненько, что лишь псы могли расслышать его.

— Порадею, абы твердо, — возгласил Плащеносец, к вящему замешательству фламандца, ступив вперед и нанеся единственный удар; Гозело привалился к нему, как выдохшийся любовник, а потом тихонько сполз на дерн подлеска.

Вытерев кинжал о плащ фламандца, Плащеносец взял с податливого трупа что требовалось и удалился, ведя коня в поводу, пока не уверился, что ушел достаточно далеко.

И вдруг сообразил, что все это разыгралось на следующий день после того, как Длинноногий повелел всей знати королевства Шотландского явиться в Бринхин, дабы лицезреть, что случилось с королем, воспротивившимся Эдуарду Английскому.

Несомненно, ради поношений, лжи и злопыхательства. Эдуард уже отъял Крест, Печать и Камень, как и грозил, лишив власти и короля Иоанна Баллиола, и королевство.

Но Длинноногий захапал не всю Шотландию — малую толику королевства вырвали из его кулака.

Плащеносец улыбнулся, согретый этой мыслью, несмотря на студеную летнюю мгу.

ГЛАВА 1

*Замок Дуглас, почти год спустя
Канун праздника Святого Брендана
Путешественника, май 1297 года*

Борзые разбудили Псаренка, как всегда затеяв вокруг него возню и сопя носами. Жаркое тепло вдруг сменил холод, все ужесточавшийся, пока не вырвал его, дрожащего, из лона сна.

Едва он шевельнулся, как псы окружили его, болтая языками, пыхтя смрадным дыханием прямо в лицо, поскуливая и устремляя на него раболепные взоры в уповании кормежки. Они знают распорядок дня ничуть не хуже Псаренка, а то и лучше, коли верить Малку — правой руке берне́.

Псаренок забарахтался, поднимаясь. Студеный воздух подирал по коже, подгоняя его. Вытряхнул солому из волос и одежды, нашарил свои деревянные башмаки и заковылял в полутьме псарни — длинной приземистой постройкой с плетеными из лозы стенами, промазанными саманной штукатуркой, и деревянными колоннами. Огня внутри не держали из страха пожара, а задняя стена из прочного холодного

камня принадлежала пивоварне; единственный свет сочился через дыры, где штукатурка отвалилась, логаясь пестрым покрывалом на устланный соломой пол, зловонный, как каждое утро.

Найдя свою власяницу, висевшую на крюке обок поводков, натянул ее через голову, просунул руки через дыры и принялся согревать их дыханием в пред-рассветном холоде. Кто-то закашлял; появились головы, вынырнув темными кочками среди соломы, и остальные выжлятники выбрались навстречу новому дню. Собаки скулили и повизгивали, извивались и без конца кружились, яростно работая хвостами, выпрашивая корм.

— Легше, легче, — унимал их Псаренок. — Тише. Уже скоро.

Конечно, если не будет охоты, потому что тогда собак кормить не будут, ибо с полным брюхом не разбежишься, а борзые, за которых отвечают он и группа других парней, — бегуны. Раши и лимье, общим счетом около тридцати голов, кружили и скулили, пока остальные гончие за загородками, не дающими им перегрызть друг другу глотки, начали хрипло, с подвывом лаять.

— *Swef, swef!*¹ — прикрикнул Пряженик, козыряя французским, которому выучился у берне Филиппа. Собаки и ухом не повели, и Псаренок ухмыльнулся себе под нос: лимье — английские талботы, белые ищейки, сплошной нос и никакой выносливости; Псаренок сомневался, что они знают хоть слово по-французски. Раши есть всех мастей; эти выведенные в Силезии гончие составляют основную часть своры и сотворены для долгого бега. Как только лимье вытропят след, раши будут неустанно следовать по нему, пока не загонят или не завалят жертву.

¹ Утомонитесь! (искаж. фр.)

Навряд ли хоть единая из них понимает по-французски — ежели собаки вообще понимают хоть какой язык, но Францию считают родиной охоты, так что всем гончим дают французские клички, а доезжащий, сиречь старший псарь, — француз, и титулуют его по-французски — *berner*. Но дичь, на которую они охотятся здесь, все та же — олени, лани и вепри, все в угодьях Дейла, Уотера и далее — в землях, отданных Богом и Королем в руки Дугласов.

За тонкой перегородкой залаяли и завыли аланы и леврие, и принялись хлопотать другие отроки. Псаренок поежился, но не от холода; там целых два десятка леврие — серых драчливых борзых с холодными глазами и осками. Но даже те сторонились, поджимая хвосты, стоило чужакам — двум громадным косматым дирхаундам — вздернуть свои жесткие губы.

Леврие способны загнать и сбить с ног юную лань или олениху с бархатными рожками, аланы могут завалить доброго рогача, коли загонят его в угол, но только дирхаундам под силу загнать превосходного красного зверя до полного изнеможения и сохранить довольно духу, чтобы свалить его на землю.

У Дугласа дирхаундов не было, так что для него было настоящим потрясением узреть эту пару, прибывшую вместе с сэром Хэлом Хердманстонским и его всадниками. Псаренку показалось, что вершников многовато для простого охотничьего отряда, но его тут же просветили Джейми с остальными: сэр Хэл прибыл под видом охотничьего отряда, посланный отцом, дабы сдержатъ обещание оборонить фортецию Дуглас в грозный час. И представлялось, что нет большей угрозы, что государь Брюс Каррикский и его люди придут наказать государыню¹ и ее сыновей за мятеж ее мужа против короля Эдуарда Английского.

¹ Т. е. леди.